

© 2010 г. М.Л. Размолодин

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Рассматриваются вопросы, связанные с консервативными основами политической проблематики идеологии черной сотни, действовавшей на политическом поле России в начале XX в. Исходя из анализа традиционалистских воззрений народных масс, обоснованных русскими консерваторами XIX в., дается объяснение фанатичной приверженности черносотенцев идеям Русской православной монархии, необходимости сохранения неограниченного самодержавия, недопустимости введения парламентских и иных демократических форм правления.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, Русская православная монархия, самодержавие, самобытность русской цивилизации, консерватизм, традиционализм, базовые ценности русской цивилизации.

В начале XX в. черная сотня оказалась единственным в стране политическим движением, продемонстрировавшим цельное историко-государственное мировосприятие и определившим роль и место самодержавия в истории России. Основой ее религиозно-идеологической концепции была идея Русской православной монархии. Далекие от идеализации действительности, которую черносотенцы строго оценивали через призму моральных оценок, они принимали исходный принцип самодержавия, напрямую связанный с божественным нравственным идеалом («правдой»). Исходной смысловой стороной самодержавия являлась мысль о богоустановленности царской власти. Из русского консерватизма черносотенцы унаследовали мысль Митрополита Филарета Московского: «...Бог, по образу своего небесного единоначалия, устроил на земле царя; по образу своего вседержительства – царя самодержавного; по образу своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – царя наследственного» [1, с. 63]. Самодержавие рассматривалось не как форма правления, а как форма организации высшей Верховной власти, отражающая структуры высшего мира, что определило ее идеократичность.

Будучи сторонниками религиозной монотеистичности крайне правые калькировали божественный мир на земную почву, рассуждая по принципу «Один Бог, один царь», «Демократия в аду, а на небе царство». Показательно поэтому, что возникшая в 1907 г. крупная черносотенная организация взяла название Михаила Архангела. Объяснение этого имело религиозную основу: «Русский Народный Союз призывает на себя покровительство Архистратига Михаила Архангела, как представителя грозных небесных сил, низвергнувшего в бездну, по велению Царя Царей, первого во вселенной крамольника, восставшего против Божеского Единодержавия» [2].

Вера черной сотни в божественную природу миротворения не подлежала сомнению. Представление о мире, как произведении Всевышнего, напрямую определило и восприятие истории России в неразрывном единении судьбы самодержавия и народа. Весь комплекс самодержавно-государственных представлений базировался на христианской идее истины, которая не могла обосновываться секулярными методами. Как истина христианства предметно недоказуема, так обусловленная ею истина самодержавия является предметом веры. Утверждая религиозные основы власти, черносотенцы четко и ясно заявляли, что источником власти был Бог, а не народ [3]. В исследовании группы правых деятелей, объединенных в «Кружок москвичей», утверждалось: «Политический строй русского государства составляет предмет настоящей и политической веры русского народа, которой он держится и будет, несмотря ни на что, твердо и неизменно держаться именно как веры» [4]. Привитое исследователями черносотенцам «самодержавное кредо», под которым подразумевался приоритет самодержавия перед православием, не вполне верно. Акцент на самодержавии черносотенцы делали по причине актуальности и явственности угроз в начале XX в. именно этому элементу уваровского триединства (Православие, самодержавие народность), так как революционные лозунги в меньшей степени затрагивали вопросы изменения положения православия и русского народа. Приоритет православия определялся формированием всей идеократической конструкции Самодержавия. Именно Русская православная церковь выпестовала идею царской власти, как национально-государственный символ веры. Поэтому крайне правые выдвинули тезис о неразрывной связи православия с русской государственностью, как важнейшем условии ее существования [5]. Эта связь придавала

царской власти устойчивость и силу, но лишь до определенного исторического предела, который обозначился с началом дехристианизации общественной жизни и общественного сознания. «Русская православная церковь ... дала особую окраску русской государственной власти. И немудрено, ибо русское самодержавие народилось и выросло под церковным благословением» – писала черносотенная пресса [6]. Православие являлось идеологической опорой самодержавия, которое «... освящало и освящает, как незыблемую основу государственности Русской» [7]. В различных документах и материалах периодической печати неизменно подчеркивался религиозно-идеократический взгляд на государство: «Русское государство держалось верой православной, царем самодержавным и русскими людьми – это были скрепы огромной невиданной в истории человечества империи» [8]. Концепция царской власти как идея священного служения содержала огромный духовный потенциал, раскрывшийся в многовековом деле успешного державоустройства. Для черносотенцев самодержавие являлось не только знаком прошлого, но конструктивным образом настоящего и будущего. В своей прессе они заявляли, что в завершённом виде и окончательно установившейся форме неограниченная самодержавная монархия никогда не существовала. Наиболее приближенным к идеалу являлось допетровское самодержавие, на деле воплотившее формулу «единения царя с народом». Монархисты восприняли славянофильскую идею о том, что самодержавие есть недостижимый идеал, требующий кропотливой и долгой внутренней духовной работы всего общества для воплощения его в органичные рамки [9].

Черносотенцы отвергли секулярные концепции происхождения монархии: игнорировали доктрину общественного договора (XVII в.), прошли мимо рационалистических объяснений необходимости самодержавия (XVIII в.), не восприняли теорию классового происхождения государства (XIX в.). Крайне правые не были изобретателями божественной санкционированности монархической власти. Принятая ими религиозная доктрина происхождения государства шла из глубины веков. Не отрицая происхождения монархии из естественной иерархии человеческого общества, черносотенцы, тем не менее, делали акцент на ее религиозно-духовном аспекте. Ссылаясь на Священное Писание, их литература указывала, что монархия в избранном народе во главе с царем, имевшим специальное посвящение, была установлена Богом по

просьбе людей, осознавших неспособность жить по божьим законам. Русское самодержавие наследовало традицию Царства в истории человечества, где царь выступает не только следствием природной иерархичности, а средством удержания народа на божьем пути. С христианской точки зрения, данная необходимость обуславливалась нахождением человеческой природы и мира в состоянии повреждения вследствие грехопадения. Потребность в независимой от людей, но зависимой от Бога верховной власти, ограничивающей и человеческую мятежную греховность, и действие в мире сил зла – проявление не рабства, а аскетического самоограничения в борьбе с собственным греховным своеволием. Задача земных царей состояла в том, чтобы соответствовать своему небесному достоинству, служить божьему замыслу, следовать богоподобной правде, чистоте мысли, святости намерений и деятельности. Задача же народов заключалась в том, чтобы разуметь небесное достоинство царя, смиренно принимать его законы, удалять от себя своеволие и раздор. В постановлении III Частного совещания представителей отделов Союза русского народа, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, говорилось: «Самодержавие имеет религиозное обоснование: самодержец есть помазанник Божий, что подразумевает подчинение ему православных людей» [10]. Задача подданных виделась крайне правым в достижении нравственных, высоких и религиозных идеалов, с одной стороны, и уважении к законам, с другой. Отсюда вытекала и причина революции – оскудение в народе православной веры, падение уважения к Верховной власти.

Именно наличие религиозного фактора отличало самодержавную монархию от диктатуры. Благодаря православию, Россия сумела сохранить облик и содержание истинно христианского государства. Идея самодержавия вытекала из христианского мировосприятия и опиралась на религиозные догматы. «Из этих начал естественно и свободно рождается понятие исконного русского самодержавия. Поэтому-то русский царь, помазанник Божий, обладающий полнотою свободы воли в земном своем царствовании, никакою земною властью не ограниченный, является ответственным перед Господом Богом и своею царскою совестью; потому-то он и есть неограниченный самодержец и отец своего народа» – утверждалось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа в мае 1912 г. [11]. Существенно дополнивший критерии типоло-

гизации русской консервативной идеологии. А.В. Репников отмечал, что при всем многообразии консервативных концепций в качестве стержневой идеи выступает сакрализация царской власти, обусловленная идеократическим взглядом на мир. И.С. Аксаков в трактате, посвященном теоретическим вопросам самодержавной власти, писал: «Самодержавие не есть религиозная истина или непреложный догмат веры. Отнявши у самодержавия навязанный ему религиозный ореол и сведя его к самому простому выражению – мы получим только одну из форм правления» [12].

Из вышеизложенных рассуждений следовал тезис, что неограниченная власть, имеющая религиозно-нравственное основание, не есть диктатура и тирания. Согласно черносотенной доктрине, Верховная власть принадлежит не народу, а высшей силе. Народ признает власть Бога, веря, что в государственных отношениях она вручается монарху не им, а Божественной волей. Эти положения неоднократно официально фиксировались в программных документах крайне правых. На приеме Николаем II депутации Союза русского народа 23 декабря 1905 года крестьянин В.А. Андреев заявил: «Верь, Государь, что русский народ, вручивший судьбы царю-батюшке, не тяготится властью его. Он глубоко верит и сознает, что власть царя – власть от Господа. Правда царя – правда Божия» [13]. В рамках данной схемы рассуждений роль царя в истории страны неимоверно возрастала: «Все что было сделано доброго и великого в России, все было сделано волей Помазанника Божьего» – писала в марте 1913 г. черносотенная пресса [14]. При таком понимании за самодержавием признавалось неотъемлемое право полной свободы действий, неограниченной и нестесненной никакими земными политическими и законодательными установлениями. Контролирующую и ограничительную функцию в системе самодержавия выполнял религиозный компонент. Судьей неограниченного царя могли быть только Бог и царская совесть, которым «он отдает отчет во всех своих делах и поступках не как человек только, а как русский царь» [15]. Невозможность ограничения его власти носила сакральную подоплеку: «Священство государя, как помазанника Божия, исключает всякое понятие о возможности ограничения его власти властью мира» [16]. При этом согласно консервативной концепции, самодержавная власть существовала не для самой себя, что характерно для абсолютизма, но для исполнения свыше указанной миссии, составлявшей священное служение, а не

привилегию. Истинная монархия при своей отвлеченности от народной воли, в то же время подчинялась народной вере, народному духу, народному идеалу, в результате чего обретала статус власти Верховной. В исторической практике это выдвижение единоличной власти в значение Верховной совершалось естественно, самостоятельно, как бы неизбежно, если в народе имелась для этого нравственно-религиозная основа. Эти представления и родили известную славянофильскую формулу: «Внешняя правда – Государству, внутренняя правда – Земле; неограниченная власть – царю, свобода мнения и слова – народу» [17]. Для исполнения священной миссии проводника божественной воли власть должна быть свободна от всевозможных ограничений «конституций и парламентов», а отношения между народом и монархом должны иметь только нравственную связь (так как формальные акты и договоры уничтожают глубокое духовное родство).

Черносотенцы отвергли либеральную трактовку народа как абсолютного источника права, делегировавшего свои властные полномочия правителю, и сохраняли верность божественному происхождению власти. Отстаивая принцип несхожести исторического пути России и Запада, идеологи черной сотни старались в своих историософских построениях обосновать источник верховной власти вне западоцентричных схем с их идеями о народоправстве. Но ведя свои корни из русской философской мысли XIX в., черносотенная идеология не могла игнорировать славянофильскую концепцию «нации-суверена», видевшую в государстве союз свободного народа, уступающего свою прерогативу верховной власти царю, долженствующего управлять для блага всех. Пытаясь обойти деликатную тему, черносотенцы предложили оригинальную интерпретацию славянофильских идей, согласно которой наряду с Богом и народ выступал источником власти царя. Постулируя божественную природу самодержавия, им приходилось мириться с сильным славянофильским течением в их собственной среде, так как концепция воли нации в качестве критерия легитимности получила определенное распространение и в среде русских консерваторов. Л.А. Тихомиров, утверждая тезис божественного происхождения царской власти и отвергая идею «народного избрания» царя, характеризовал царя как персонификацию народного духа и выразителя народного идеала, что, несомненно, являлось элементом модернизма (данная идея была взята у славянофила Д.А. Хомякова). Представляется, что

традиционное монархическое мировоззрение (в том числе, и простонародное) было далеко от представления о монархе – выразителе духа нации. Более «народным» было представление о государе – помазаннике Божьем, «боге среди людей, человеке среди богов» [18]. Таким образом, и в классическом консерватизме, не допускавшем пересмотр концепции божественного происхождения самодержавия, проявились новомодные течения, нашедшие свое отражение и в высказывании члена Главного Совета СРН А.А. Майкова в брошюре «Революционеры и черносотенцы»: «Самодержавие царское установлено самим русским народом. Царская власть не происходит от завоевания, чем отличается от власти абсолютных монархов и восточных деспотов, а вручена царю русским народом, почему она и не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение» [19]. Крайне правые не стали резко отвергать эту идею, позволявшую им решить проблему национального характера самодержавия, то есть как продукта русского национального творчества, посредством следующих тезисов.

Во-первых, уникальность самодержавия как формы правления, присущей только русскому народу, осмысливалась через призму русской народности: «самодержавие создано разумом русского народа и является исконным и чисто русским способом правления» [20]. Самодержавная монархия вытекала из национальных свойств именно русского народа и исторически выросла на русской почве была тесно связана с «миросозерцанием народа и всем его бытом» [21]. По мнению черносотенцев, основой легитимности самодержавия выступало русское народное право, позволившее ему стать самобытной организацией русского исторического бытия, государственной формой проявления народной общинности, соборности. Во-вторых, самодержавие являлось произведением именно православного народа, неизменно сохранявшего верность православной модели властоустройства, как органически присущей православному социуму. Можно сказать, что при имевшихся у народа за тысячу лет своей истории достаточных возможностях избавиться от монархии, данная форма правления подверглась непрерывному «переизбранию». Полемизируя с политическими оппонентами, утверждавшими о захвате и «оккупации» самодержавием России, черносотенцы указывали, что самодержавие было выборной формой правления, которая в истории России неизменно избиралась православным русским народом не на определенный срок, а навсегда. В-третьих,

формированию национально ориентированного самодержавия способствовали многочисленные иностранные нашествия, актуализировавшие проблему создания идеократической системы властiuстроения с функцией защиты православного социума. В частности, негативно сказавшееся на материальном развитии производительных сил и культуры, монголо-татарское иго сыграло положительную роль в выработке оригинальной модели самодержавного государственного устройства: «Пробыв целые века под татарским гнетом, русский народ искал духовного утешения и опоры своим надеждам в заветах Христа и, перевоплотив их в себе, создал свою чисто русскую христианско-содружественную государственность, с патриархальной самодержавной властью во главе» [22]. Исходя из данных рассуждений, самодержавие рассматривалось как уникальный, изобретенный православным русским народом способ правления, аналогов которому в мире нет. Иными словами, русский народ подарил человечеству духовную форму единоличной власти, отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма.

Включение народа в черносотенную властiuстроительную схему было вынужденной реакцией на все более завоевывавшие популярность западные секуляристские учения с декларируемым ими принципом «верховенства народа». Крайне правые нехотя включили народ в православно-самодержавную концепцию власти из вполне прагматичных соображений. С одной стороны, необходимо было повышать конкурентоспособность своей политической программы на рынке общественных идей, где в спорах неизбежно вставал вопрос о роли и месте народа в политическом процессе. Принятая черносотенцами славянофильская концепция о царе – «персонификаторе народного духа» прикрывала слабое место их религиозной концепции источника властных прерогатив царя, ставшей объектом для критики их политических оппонентов. Мода на секуляристские концепции заставляла черную сотню «доводить» свою доктрину в соответствии с требованиями времени. С другой стороны, модернистские элементы их идеологии преодолевали «абсолютистскую» оценку современного им самодержавия, согласно которой уклонившийся от начал истинного христианства народ будто бы отрекается от своей власти в пользу монарха.

Таким образом, в вопросе об источнике властных прерогатив царя черносотенной идеологии отчасти был присущ дуализм, который истекал из вос-

приятия царя, во-первых, беспорной, высшей сигнатурой власти, значимее которой был лишь ранг Всевышнего (что соответствовало православной самодержавной концепции власти), и, во-вторых, как персонификации духа собственного народа, чья власть «независима от народной воли, но зависима от народного идеала». Дуализм был емко выражен «Русским знаменем»: «Бог и народ – вот две идеи, заключающиеся в самом бытии человека, из которой вытекает третья – царь» [23]. Годом ранее газета писала: «Для нас царь больше, чем человек, больше чем правитель. Он одухотворенное, живое знамя России, верховный представитель народа русского. И вместе с тем он наместник Божий, священный хранитель небесной справедливости» [24]. Формулируя свое представление о монархической власти, черносотенцы решили проблему дуализма просто – божественный источник власти царя признавался первостепенным, в то время как народный – второстепенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николай Первый и его время. Т. I-II. М., 2000. Т. I.
2. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
3. Русское знамя. 1913. 5 июня.
4. Отзыв на обращение «Русского Собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906.
5. Прямой путь. СПб. 1913. Вып. III (март).
6. Русское знамя. 1907. 11 марта.
7. Вече. 1909. 20 октября.
8. Русское знамя. 1911. 26 мая.
9. Там же. 1907. 22 мая.
10. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 654.
11. Вестник Союза русского народа. СПб. 1912. № 104.
12. Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.
13. Русское знамя. 1906. 9 января.
14. Там же. 1913. 15 марта.

15. *Там же*. 1907. 9 декабря.
16. *Там же*. 1910. 7 марта.
17. *Аксаков К.С.* Собрание сочинений. М. 1889.
18. *Sharp K.* Politics&Ideas in the early Stuarts England. New York-Oxford. 1995.
19. *Майков А.А.* Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907.
20. ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д.1. Л. 678.
21. Прямой путь. СПб.1912. Вып.V (май).
22. ГАРФ. Ф.102. ОО.1916. Д.358. Л. 16.
23. Русское знамя. 1908. 31 января.
24. *Там же*. 1907. 29 марта.

УФСБ РФ по Ярославской области

22 сентября 2010 г.